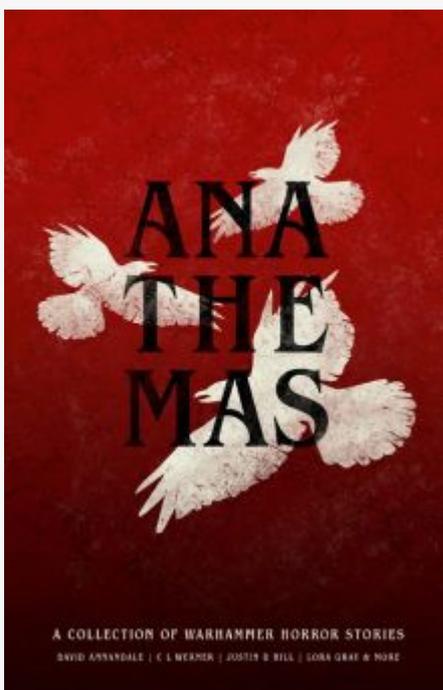

Тренодия для Колчева / A Threnody for Kolchev (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Тренодия для Колчева / A Threnody for Kolchev (рассказ)

Автор [Дариус Хинкс / Darius Hinks](#)

Переводчик [Brenner](#)

Издательство Black Library

Серия книг Warhammer Horror

Входит в сборник [Анафемы / Anathemas](#)

Год издания [2020](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Лечебница Морфрана, две мили к югу от города Зерадр^[1], Святая Терра

Доктор Морфран возлежал у края длинного стола, купаясь в сине-золотых тонах. Лучи вечного заката Терры падали сквозь витражное окно, придавая ему вид отдыхающего святого, нежащегося в божественном сиянии. Свет поблескивал на аугметике, скрывавшей половину лица, и сверкал на нелепом завитом парике, которым была увенчана его голова. Он был одет в военизированную форму с тесьмой и кистями, достаточно плотно подогнанную, чтобы подчеркнуть могучее, раздавшееся в стороны тело. Доктор имел вид обрюзгшего атлета, нарядившегося к официальному обеду. Он был хорош собой, однако хищный блеск его глаз не вязался с мягким голосом. Дернув тростью, он велел сервиторам уйти, и сгорбленные ничтожества выкатились из комнаты, что-то бормоча бинарным кодом.

Варамис повертел в руках рукав пальто, скрестил ноги, затем выпрямил их, стараясь не встречаться с доктором взглядом.

Морфран рассматривал его с отсутствующим выражением на лице, приоткрыв рот и глубоко дыша.

- Должно быть, вы его хороший друг. Колчев не просил больше ни о чем визите. Он никогда ни о чем не просит, - раздавив муху указательным пальцем, он растер ее по столу. - За исключением смерти.

Варамис беспокойно заерзал в кресле.

- Мы были хорошими друзьями. До происшествия. Но он не пытался связаться со мной. Я имею в виду, раньше. Не представляю, чего он хочет.

Голова Морфрана все так же была запрокинута назад, а рот открыт.

- Вы были готовы щедро заплатить, чтобы его увидеть.

Варамис метнул взгляд в направлении Морфрана, но ему не хватило смелости всерьез насупиться.

- Вы отказывали мне в посещении, хотя и говорите, что Колчев об этом просил. Что еще я мог поделаться? Что бы с ним ни случилось, он все еще мой друг.

Морфран сохранял свою расслабленность.

- Его отец высказался вполне ясно: Колчева никто не посещает. Поддерживать в нем жизнь, но ничего более. Никакой восстановительной терапии. Никакой духовной реорганизации. Никаких корректирующих операций или нейронного перепрограммирования. К нему не допускаются никакие поклонники. Однако сумма, которую вы были готовы заплатить... Она дала мне понять, что необходимо сделать исключение. Он явно многое значит для вас. Должно быть, вы не просто поклонник его музыки.

Варамису не нравилось то, как Морфран его изучал. Он пытался сохранять на лице выражение, которое, как он надеялся, соответствовало психически здоровому человеку. Но чем больше он думал о собственных лицевых мускулах, тем менее сговорчивыми те становились. Он помассировал подбородок и оставил руку поднятой, чтобы прикрыть непослушный рот.

- Я был его студентом в академии Галатии. Мы подружились. Однако я не видел его уже много месяцев, когда услышал, что он... - Варанис оглянулся на дверь.

Морфран облизнул губы.

- Поджег себя. Наворотил дел. Я видел такое уже множество раз. Мы не ожидали, что он выживет.

Варамис скривился и покачал головой.

Морфран поднялся с такой вальяжностью, что казалось, будто он всплыл с кресла.

- Давайте я вас к нему отведу. Но только недолго. Разговоры работают как возбудитель, несмотря на седативные препараты.

Доктор вел Варамиса по узкому коридору с высоким потолком. По сторонам тянулись двери и груды разбитых когитаторов. Осветительные полосы над головой пылали настолько яростным белым огнем, что казалось, будто стены светятся, и создавалось впечатление, словно все это место - сон. С пласталевых дверей облезала краска, стены были покрыты бурыми пятнами. На карнизах были высечены лозунги: «ШИРОКО МЫСЛЯЩЕМУ УМУ НЕДОСТАЕТ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ», «В РАЗМЫШЛЕНИЯХ ЗАРОЖДАЕТСЯ ИЗМЕНА» и прочие вдохновляющие надписи.

Мимо спешили служители в рясах, толкавшие перед собой пустые каталки или несущие металлические подносы со шприцами. Издалека доносился какой-то звук, похожий на полуразличимый шум прилива, и в конце концов Варамис понял, что это приглушенная болтовня голосов, торопливо что-то говорящих за запертыми дверями.

- Лечебница выстроена в форме имперской аквилы, - произнес Морфран, гордо обводя коридор своей тростью. - В этом крыле размещаются женщины. Длина почти полмили, двенадцать этажей сверху и пять внизу. Каждый этаж - ряд перьев орла. В голове находятся часовни, медпункты, офисы администратума, помещения для медиков, спальни и прочее. В другом крыле помещаются мужчины, включая вашего друга, маэстро.

Чем дальше они продвигались вглубь лечебницы, тем громче становились голоса, и у Варамиса возникло тревожное чувство, будто пациенты знают о его приходе и требуют внимания.

Морфран заметил страдальческое выражение его лица.

- Мы им неинтересны. Они борются с собственным разумом. Большинству ничем не помочь.

- Не помочь? Тогда зачем проводить процедуры?

- Потому что они слишком богаты, чтобы умереть. Из-за своего высокого положения они должны страдать. Их семьям невыносима мысль о том, чтобы их отпустить, потому они платят мне, чтобы я держал их тела в оковах и мариновал разум.

- Так что же вы для них *делаете*?

- Все, что могу. И у нас бывают успехи. Я сказал, что ничем не помочь *большинству* из них. Мы постоянно разрабатываем лучшие, более решительные методы. Наша работа относится к духовной сфере в той же степени, что и к телесной или психологической. Слабость ума - это слабость духа. Безумие произрастает из отклонений. Недостатка веры. Они должны научиться *бояться*. Бояться Бессмертного Императора. Тогда они смогут полюбить его. И в этой любви, возможно, обретут рассудок. Это нелегкий путь, но я сопровождаю их на нем.

У Варамиса не было уверенности, что безумие произрастает из недостатка веры. Он уже собирался вступить в спор, но затем подумал о том, как легко может оказаться по ту сторону запертых дверей. Морфран не выглядел человеком, получающим удовольствие от обсуждения эффективности его методов.

Чтобы дойти до палаты, где содержался Колчев, у них ушел почти час, и Варамис уже почти забылся

среди шума голосов, когда Морфран остановился перед одной из дверей и жестом велел сервитору открыть ее.

В помещении было темно. Морфран вздохнул и взмахом руки послал сервитора внутрь.

С дребезжащим треском ожила люмосфера, залившая комнату безрадостным светом, и Варамис попятился назад, тряся головой и вцепившись в свои рукава.

Колчев был подвешен посередине помещения в антигравитационном поле. Откуда-то доносился гул генератора. Он медленно вращался в нескольких футах над полом.

- Что вы с ним делаете? - прошептал Варамис.

Колчева обвивал кокон из кабелей и цепей. Путы покрывали каждый дюйм его тела. Лицо оставалось на виду, но кожа на нем сгорела вместе с волосами, так что голова Колчева напоминала глянцевоблестящий багряный череп. Концы кабелей были вшиты под кожу и содрогались внутри, будто увеличившиеся в размерах вены. Они потрескивали и гудели, вливая в мышцы Колчева электричество, из-за чего тот постоянно корчился и дергался, словно исполнял какой-то несуразный танец. От него исходил слабый запах жареного мяса. Он неотрывно глядел в потолок, беззвучно проговаривая молитвы. По изуродованному лицу текли слезы.

- Я возвращаю в нем веру, - ответил доктор Морфран.

Морфран неспешно вошел в комнату и постучал по рунической панели на стене. Шум генератора стих, и Колчев обмяк в своих путах - электричество покинуло его тело. Затем Морфран взял со стола шприц и всадил его Колчеву в бедро.

Взгляд Колчева прояснился, и он недоуменно осмотрелся по сторонам.

- У вас есть час, - сказал Морфран, выходя из помещения. - Не подходите в пределы досягаемости руки. Его разум изодран в клочья.

После этого он удалился, захлопнув и заперев дверь за собой.

На мгновение Варамис позабыл о Колчеве, и его наполнила паника. Он был заперт в палате лечебницы Морфрана. Что, если Морфран не вернется? Что, если доктор о нем забудет? Или сочтет, что ему не стоит уходить?

- Варамис? - слышался шепот Колчева.

Варамис снова повернулся к своему другу. Ему не приходило в голову, что сказать. Как начать разговор с такой развалиной.

Колчев попытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Он кивнул в направлении столика у двери, где стоял кувшин воды и несколько чашек.

Варамис наполнил чашку и замешкался, вспомнив предостережение Морфрана.

Глаза Колчева были широко раскрыты от отчаяния, но Варамис не видел в них тяги к насилию. Кроме того, он проделал такой путь не для того, чтобы просто наблюдать, как Колчев хватается ртом воздух.

Колчев все еще парил в нескольких футах от пола, так что Варамис придвинул стол ближе, встал на него и поднес чашку к губам Колчева.

Тот медленно отпил из нее, расплескав при этом столько же, сколько проглотил, а затем кивнул головой, и Варамис отступил назад.

- Друг мой, - произнес Варамис. - Ужасно видеть вас в таком состоянии. Быть может, есть способ поговорить с вашим отцом насчет вашего перевода отсюда? Что бы вы ни сделали, это неправильно. Это возмутительно. Вы не должны...

- Нет, - с неожиданной силой отозвался Колчев, уставившись на Варамиса глазами, сиявшими на покрытом волдырями лице. - Я должен оставаться здесь. Я опасен. Ты не понимаешь. Ты должен сделать то, о чем я попрошу, а потом найти способ меня убить.

- Убить вас?

- Не сейчас. Сперва ты должен отправиться в имение Февос. И сжечь его.

- Сжечь ваш дом? Почему вы хотите, чтобы я совершил подобное? - Варамис понял, что доктор Морфран был прав. Его друг утратил связь с реальностью. Он бредил. - Йоханн, вы же знаете, я не могу этого сделать. Имение Февос принадлежит вашей семье. Я бы не смог его поджечь. Вообразите, что ваш...

- Сожги его! - задыхаясь, выдавил Колчев и неистово забился в своих путах. В швах, которые удерживали кабели внутри его тела, запузырилась кровь. - Ты *должен!*

- Конечно, - проговорил Варамис успокаивающим тоном. - Все, что пожелаете, Йоханн. Я сожгу Февос. Вам больше нет нужды об этом беспокоиться.

Колчев дернулся и забился еще более яростно.

- Не лги! Я не глупец! - он перестал шевелиться и опять яростно уставился на Варамиса. - И я не безумец. Что бы тебе ни сказал Морфран, я в здравом уме, Варамис. Трон милостивый, как бы мне хотелось, чтобы это было не так!

Он испустил настолько жуткий, звериный вопль горя, что Варамису захотелось обнять его, однако он все сильнее убеждался, что доктор Морфран не ошибся. Его друг совершенно спятил.

- Послушай, - произнес Колчев, понизив голос. - Я позвал тебя, потому что только ты сможешь понять, как я мог совершить то, что совершил. Ты - моя последняя надежда, Варамис. Если ты не станешь меня слушать, эта вещь останется в неизвестности, кто-то другой ее найдет, и весь цикл начнется заново. Ты должен *выслушать*. Во имя всего, что у нас было общего, во имя всего, что мы друг для друга значили. Умоляю тебя, выслушай меня и поверь тому, что я скажу.

- Разумеется, старый друг. Я с радостью выслушаю.

- Ты все еще пытаешься меня умаслить, но мне кажется, что когда я закончу, ты поймешь. Помнишь ту ночь в театре Валгааст? Первое исполнение тренодии^[2] Цельтера.

В речах Колчева отсутствовала логика развития, но Варамис был не намерен расстраивать друга снова и потому подыграл:

- Да, я помню. Мы были там с графиней Эврессой и ее братьями. Это была премьера, - он сделал паузу и улыбнулся. - Действительно невероятно. Так прекрасно, что я прослезился.

Казалось, это причинило Колчеву боль.

- Значит, ты поймешь. Та ночь стала началом конца, Варамис. Я знал, что он надвигается, но той ночью на меня обрушилось все сразу. Уже многие месяцы я чувствовал, что приближаюсь к пропасти. Ни одна из моих композиций не стоила и той бумаги, на которой была записана.

- Это неправда! - воскликнул Варамис. Этот спор происходил между ними уже множество раз. - Вы один из величайших композиторов этого поколения.

- Я *посредственность*, - буквально выплюнул Колчев. - Ваццея, Нерулум, Деметриас - все новые композиторы превзошли мои ничтожные старания. А теперь я старик. Я был глуп, Варамис, растрачивая свою жизнь в погоне за недостижимым совершенством. У меня есть желание, но нет мастерства. Мне никогда не сравняться с теми великими мастерами. Я давно это знал, но в ту ночь, наблюдая, как Цельтер дирижирует своей тренодией, я в конце концов рухнул в бездну. Я более не мог этого выносить.

Варамис кивнул.

- Я помню, вы ушли, не попрощавшись и не поговорив с Цельтером.

- *Поговорить* с ним? Как я мог говорить с человеком, который только что продемонстрировал, что я ничтожество? Я сбежал из театра и бродил по трущобам, топя свое горе во всех питейных притонах, какие мог найти.

- В этих местах джентльмену не безопасно, Йоханн. Вам следовало позволить мне сопроводить вас обратно в имение Февос.

- Не безопасно? - горько рассмеялся Колчев. - Нет, не безопасно. - Он оглядел грязную палату. - Таких мест и нет.

- Так что с вами произошло в ту ночь? Это была ночь пожара? Нет, не может быть. Я услышал о пожаре сразу же, как он случился. Это было несколькими неделями позже тренодии Цельтера.

- Нет, в ту ночь не было пожара. Я все пил и пил, пока едва не ослеп, и ковылял среди развалин и жилых кварталов. Чудо, что меня не убили. Нет, - он снова рассмеялся. - *Трагедия*, что меня не убили. Прежде, чем я натворил... - Он сбился и уставился в пол.

- Что случилось? - спросил Варамис. Ему все еще казалось, что Колчев пребывает в иллюзиях, однако история звучала странно захватывающе. В ней слышалась такая убежденность, такой страх.

- Я пришел в себя возле академий, снова оказавшись среди вдохновенной молодежи, которая и довела меня до такого отчаяния. А потом увидел его, Цельтера. Он так и стоял перед театром, лучась молодостью и гордостью, потчевал восторженную публику своим остроумием. Я слышал, как он говорит, насколько легким ему показался процесс написания музыки. Для меня была невыносима идея предстать перед ним, сказать ему, как безупречна его тренодия, поэтому я нырнул к Арваду и спрятался.

- К Арваду?

- Это магазин. При обычных обстоятельствах ноги моей бы там не было. Арвад прощельга. Ни один из его инструментов не годится для уважаемого музыканта.

Колчев помедлил.

- Но его там не было. Арвад отсутствовал в магазине. Там был другой человек, - он застонал и напрягся в путях. - И я знал, я *знал*, Варамис. Стоило мне увидеть этого человека, как я понял: что-то здесь не так. Зачем я остался? Уйди я тогда, я мог бы остаться трагическим неудачником, а не той тварью, в которую превратился. Он улыбнулся мне, словно нормальный человек, но когда я посмотрел ему в глаза...

Похоже было, что Колчев не может продолжать.

Увлеченный рассказом, Варамис снова поспешил за питьем.

Колчев с благодарностью кивнул. Вновь успокоившись, он продолжил:

- Его глаза были слишком живыми, слишком насыщенных оттенков. Мне не объяснить, но его лицо было маской. Обманом. Не знаю, чем он был на самом деле.

- Я уже собирался уйти. Даже петушащийся Цельтер был лучше, чем перспектива провести еще минуту в обществе этого необычного человека. У меня колотилось сердце, а желудок так свело тошнотой, что я подумал: наверное, меня вырвет.

- Но вы были пьяны, - произнес Варамис. Что-то в голосе Колчева нервировало его даже сильнее, чем лечебница. Он вдруг ощутил потребность объяснить странности. - Должно быть, вам стало так плохо от вина. И возможно, потому же тот человек показался вам таким странным.

- Нет! - огрызнулся Колчев. - Нет, - повторил он более спокойно. - Он был похож на призрак сна, вывернувшийся из моего ума.

- Так вы ушли?

- Я пытался, Варамис, но, думаю, моя участь была решена еще до того, как я туда вошел. Подходя к двери, я увидел самый прекрасный инструмент из всех, что мне когда-либо встречались. Шестиструнный дульцимер^[3], небольшой, резной и целиком выполненный из серебра. Корпус был изогнут, словно змея, и покрыт тонкими филигранными узорами. Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Он как будто звал меня. Когда я коснулся его, у меня буквально слюнки потекли. Я был словно изголодавшийся человек, которому предложили пир. А потом случилось самое странное. Не обращая никакого внимания на стоявшего у меня за спиной незнакомца, я принялся играть. О, Варамис, если бы ты только слышал музыку, что полилась с тех струн. Несмотря на ступор, в котором я пребывал, мне удалось создать мелодию более остроумную и глубокую, чем все, чего я достиг прежде.

Я сказал продавцу, что хочу купить этот инструмент, и он назвал какую-то нелепую цену, малую долю настоящей стоимости. Мне захотелось отпрянуть от него. Он играл со мной. Вел игру, которую я не понимал. Он сердечно улыбался, но в его глазах как будто была пустота.

- И вы ушли без него?

- Нет, Варамис, я его купил. Заплатил человеку ту смехотворную цену и поспешил прочь из лавки, торопясь как преступник, чтобы меня не заметил Цельтер. А потом, наконец-то вернувшись в имение Февос, я обнял дульцимер, словно ребенка, и заснул.

- Но пожар, Йоханн, эти ужасные увечья, как все это произошло?

- Если бы моими шрамами все и ограничилось. Варамис, ты даже не представляешь. На следующее утро

я проснулся и, даже не поев, стал играть на дульцимере. Когда я был пьян, у меня получился прекрасный звук, но трезвым я начал сочинять композиции настолько изящные и оригинальные, что не мог поверить, будто они родились в моей голове. Словно свет Императора пронизал мою душу и озарил жалкое подобие ума. Шел один день за другим, и я едва не умер от голода, трудясь без усталости и забывая одеться или помыться. Я стал бояться, что кто-то попытается отобрать у меня дульцимер. Меня мучило, как ничтожно мало я заплатил, и я гадал, почему не настоял на том, чтобы дать продавцу больше. Уверился в том, что он придет к моим воротам и потребует вернуть товар. Я даже уволил слуг из опасения, что они услышат инструмент, поймут, насколько он ценен, и ограбят меня. Каждую ночь я засыпал, держа дульцимер в руках, и каждое утро брался за работу, заполняя свое жилище горами нотных записей. В конце концов, даже оставшись в одиночестве, я начал работать в подвалах, в комнате, о которой знал лишь я. Там я и сидел в темноте и сырости, исполняя гениальные произведения аудитории крыс.

Варамису вспомнились дни своего студенчества, когда Колчев превозносил величайшие музыкальные творения Императора. Он представил себя в подвале Колчева, сидящим среди крыс и внимающим музыке столь чудесной, что она кажется божественной.

- Но что вы делали с музыкой? Какой от нее был толк, если ее никто не слышал?

- Конечно же, ты прав. Как и всякий артист, я жаждал признания. Развлечение самого себя приносило мне лишь небольшое удовлетворение. Тянулись дни, и когда я, сторбившись, сидел во мраке и оглашал тени своей симфонией, то осознал, что мне необходимо исполнить это произведение перед кем-нибудь. И это должен был быть кто-то, способный понять его величие. Это должен был быть Цельтер.

Я закончил произведение и послал одного из моих сервиторов к нему с сообщением. Затем помылся и заставил себя поесть. Я уже утратил всякий интерес к телесным потребностям, однако был настроен предстать перед ним с определенным достоинством, а не потерять сознание от изнеможения, не успев сыграть ни единой ноты.

Цельтер принял мое приглашение, и три дня спустя я встретился с ним в огромном вестибюле Февоса. Было очевидно, что его встревожил мой внешний вид. Я сделал все, что мог, чтобы придать себе презентабельную наружность, но был истощен и экзальтирован, словно паломник, который стремится к Вратам Вечности. Кроме того, ему, должно быть, показалось странным отсутствие слуг и вообще каких-либо людей помимо меня. Однако он скрыл свои сомнения и поприветствовал меня, прикрывшись спокойствием и изящными манерами. Он льстил мне, делая вид, будто восхищается моей работой, и впервые эта ложь не причинила мне боли, ведь я знал, что вот-вот продемонстрирую ему на что в действительности способен. Я смаковал момент, подавая ему вино и собственноручно приготовленные блюда, праздно болтал как ни в чем не бывало. Он пристально глядел на меня, несомненно чувствуя мое возбуждение и пытаясь понять, зачем же его позвали в этот странный дом. Когда я в конце концов упомянул, что хотел бы исполнить ему свое новое произведение, Цельтер не смог полностью скрыть веселье. У него все лишь чуть дрогнули губы, но я знал - он смеется надо мной. И я блаженствовал, наслаждаясь мыслью о том, что он скажет, услышав мою композицию.

Я принес дульцимер из подвала и поставил его в своем концертном зале. Предложил Цельтеру сесть и подошел к сверкающему инструменту. После нескольких часов, проведенных за развлечением гостя, я был слегка навеселе, но это не имело значения. Я репетировал это произведение столько раз и так часто пьяным, что знал - я с легкостью его сыграю. По правде говоря, как и все великие произведения, оно было невероятно простым. Созвучия представлялись настолько очевидными, что казалось, будто это наверняка старинная популярная мелодия, однако я перерыл все записи и убедился в ее новизне.

Пока я играл, музыка настолько поглотила меня, что по окончании мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить, что я не один. Отойдя от дульцимера, я успокоил нервы еще одним бокалом вина. Какое-то мгновение мне было страшно взглянуть на Цельтера. Что, если он не впечатлен? Что, если я вообразил собственную гениальность? Что, если вдохновенная простота мелодии – на самом деле инфантильный примитив?

По концертному залу разнеслись медленные аплодисменты. Цельтер встал со своего места и рукоплескал, ошеломленно глядел на меня. «Мой дорогой Йоханн», – произнес он и несколько секунд не мог выговорить более ничего.

Даже когда он спросил меня, действительно ли я сам написал это произведение, я не ощутил никакой уязвленной гордости, лишь удовольствие от его пораженного лица и слез, что блеснули у него в глазах. Я никогда не испытывал подобной радости, Варамис. Ничто прежде не заставляло меня чувствовать себя настолько живым, как наблюдение за Цельтером, пытавшимся понять, как же возможна такая красота. Я пребывал в таком восторге, что даже смог обуздать ревность и панику, когда Цельтер попросил разрешения взглянуть на дульцимер.

Он погладил узоры на серебряном корпусе, что-то беззвучно произнося, и я понял, что он мысленно все еще слышит мою музыку, все еще пытается раскрыть скрытые хитросплетения. Схватив меня за плечо, он признался, что раньше не осознавал глубины моего таланта.

Словно летя по воздуху, я направился на другой конец зала за еще одной бутылкой вина. Я понял, как же я был неправ, скрывая свой гений в подвалах имения Февос. Мне необходимо было выступить. И непременно в театре Валгааст, где Цельтер играл свою тренодию. Я намеревался показать миру, что достиг величия.

Я был настолько поглощен воображаемым будущим, что едва заметил просьбу Цельтера сыграть на дульцимере.

Колчев сделал паузу и опять напрягся в путах, неотрывно глядя на Варамиса. Казалось, он не знает, что сказать дальше.

– И он сыграл? – спросил Варамис, чувствуя, что история вот-вот примет более мрачный оборот. Кровь стучала у него в висках. Он ждал от Колчева продолжения.

– Сыграл, – в голосе Колчева слышалась опустошенность.

– И? – допытывался Варамис.

– И Император обратился прямо к моему сердцу. Эта музыка исходила не из дульцимера, а из самой жизни во всем ее ужасе и величии. Я привалился к стене, созвучия заполнили мою голову и скрутили желудок. Мое произведение было милым и очаровательным, но творение Цельтера походило на конец света, на божественную кару. По сравнению с ним моя композиция казалась детской песенкой, или хуже того – пастишем^[4] подлинного искусства. А закончив, Цельтер буднично пожал плечами и сказал, что его произведение не закончено, и я первый его слушатель.

Колчев снова забился в оковах, брызжа слюной и рыча, силясь освободиться. Варамису потребовалось несколько секунд, чтобы вновь успокоить его и убедить продолжать.

- Первое преступление я совершил сам, - сказал Колчев, когда вновь обрел способность говорить. - Не стану перекидывать с себя вину. Я был пьян и еле жив от голода, у меня не было человеческого общества уже несколько недель, однако я должен принять содеянное. Пусть даже я и не хотел, чтобы все закончилось так. Я оттолкнул Цельтера и вцепился в дульцимер, стеная и плача, терзаемый ощущением предательства. Мне казалось, будто мы с инструментом связаны и лишь я один могу творить на нем подобные чудеса. Цельтер устремился ко мне, извиняясь, но я поднялся с дульцимером на вершину лестницы и швырнул его вниз.

К моему ужасу, Цельтер бросился его поймать и упал, полетев по винтовой лестнице.

Колчев глубоко вздохнул.

- Я поспешил следом с взволнованным криком, но, сохрани меня Трон, он докатился до самого низа башни. Еще не добравшись до него, я уже знал, что он мертв. Его голова была запрокинута под причудливым углом. Однако даже несмотря на горе, моя отвратительная душа возликовала, увидев, что он держит дульцимер в руках. Тот был покрыт его кровью, но он его спас.

Именно тогда я осознал, что больше не контролирую свои действия. Варамис, ты *должен* поверить. Ты - моя единственная надежда когда-либо быть понятым. Я знаю, что умру здесь, опозоренный, а затем забытый, но мне невыносима мысль о том, что никто не узнает, что же произошло на самом деле. Я оттащил Цельтера и дульцимер обратно в потайной подвал и принялся рыдать о своем преступлении, но затем ощутил некую внешнюю силу, которая желала, чтобы я действовал, чтобы снова играл на этой проклятой штуке. Подобрал ее, я, к своему изумлению, увидел, что кровь Цельтера исчезла. Я вгляделся пристальнее, задаваясь вопросом, могла ли кровь просто стереться, но это было невозможно. Не осталось ни единого следа. Инструмент был таким же сверкающим и чистым, как в тот день, когда я впервые увидел его. Тогда-то я и понял, что он не из этого мира, не из какого-либо мира вообще.

Несмотря на нарастающие сомнения, я не мог удержаться от желания сыграть на нем. И вот, пополнив свою аудиторию еще теплым трупом, я начал играть.

К моему удивлению, из дульцимера стало вырываться новое произведение. Это была уже не та элегантная песенка, которую я играл раньше, а величественное и мощное творение, далеко опережавшее мою первую попытку. А затем, жутко расхохотавшись, я осознал, что исполняю композицию Цельтера - произведение, которое перед этим своею грандиозностью вызвало у меня припадки ярости.

- Как? - спросил Варамис. - Это была старая работа? Вы читали партитуру?

- Нет. Абсолютно новая. Цельтер никогда не исполнял ее на публике. Я поверил его словам, что он играл ее только для меня. Но каким-то образом, прослушав ее всего раз, я смог воссоздать ее во всем великолепии.

Не знаю, как долго играл эту восхитительную музыку, не обращая внимания на окровавленное тело рядом со мной и забывшись в волшебстве нот. Я прерывался только затем, чтобы выпить еще вина, и чем сильнее я пьянел, тем чудеснее звучала музыка. А потом, играя, я начал понимать, что же произошло. Смерть Цельтера породила некую связь с дульцимером. Вместе с его кровью инструмент выпил еще и его суть, его гениальность, передав ее мне. Он был словно вампир, но вампир в области творчества. Если ты послушаешь доктора Морфрана, он скажет, что именно в тот момент я по-настоящему лишился

рассудка, но клянусь тебе, Варамис – следующий мой поступок был не моим собственным желанием.

Встревоженный описанием смерти Цельтера, Варамис рылся в памяти, припоминая случай, когда молодого композитора видели бы в академиях после премьеры его тренодии. Таковых на ум не приходило.

- Так что же вы сделали дальше? – спросил он.

- Я изменился, – ответил Колчев. – Стал не человеком, а чем-то иным. Я вижу, Варамис, ты сомневаешься, но я знаю: дульцимер изменил меня. Он действовал моими руками. Это дульцимер затем отправил сообщение Деметриасу, прося нанести мне визит и сыграть свое самое свежее произведение.

Варамис затряс головой.

- Вы же этого не делали. Я в это не поверю.

- Сделал, и ты должен поверить.

- А когда он сыграл?

- Еще одно падение. Еще одна смерть.

- Вы его толкнули?

Колчев не ответил.

- Но две смерти, Колчев. Вы ожидаете, что я поверю, будто они остались незамеченными?

- Я не глупец. Я выбрал Деметриаса не только из-за его гениальности. Он был одинок. Даже более, чем я. Его хватились бы только по прошествии нескольких месяцев. И все же я знал, что лишь вопрос времени, когда меня раскроют.

Варамис принялся расхаживать по комнате.

- Так вот в чем была причина пожара. Замести следы. Сделать так, чтобы тела не нашли.

- Отчасти, но не только. Играя шедевр Деметриаса нота за нотой и зная, что теперь он принадлежит мне, я уже чувствовал, как внутри меня нарастает голод, жажда большего. Проклятый инструмент не отпускал меня. Он был ненасытен. Он бы потребовал от меня накормить его снова. Я должен был его уничтожить. Я бросил его в угол подвала вместе с двумя трупами, полил маслом и поджег. Но проклятая штука не поддавалась. Пламя ее не брало. Оно соскочило с металла и пристало ко мне. Как будто слепящие змеи хватили меня за лицо. Трупы вспыхнули, словно факелы, но дульцимер оставался цел, сверкающий и неуязвимый. Пока пламя заполняло подвал, я попытался пробиться к нему, но жар оттеснил меня к лестнице. Когда появились отцовские слуги, я молил их сжечь остальную дом, однако они не стали меня слушать.

Варамис посмотрел на покрытое волдырями лицо друга, воображая себе эту сцену: Колчев, убежденный в том, что его безумие порождено дульцимером, сражается с огнем, в котором горят его жертвы. Это было ужасно, в особенности поскольку он начинал верить, что Колчев и впрямь убил этих бедолаг. Навязчивая тяга к совершенству и величию довела его до полного безумия. Это оказалась еще большая трагедия, чем ожидал Варамис. Теперь он подозревал, что вместо одной загубленной жизни мир лишился трех великих умов.

- Ты должен отправиться туда вместо меня, - произнес Колчев. - Мне никогда не покинуть этого места, но ты можешь отправиться в имение и зайти в подвалы. Я могу рассказать тебе, как попасть в потайную комнату. Найди его, Варамис, и уничтожь. Эта вещь - абсолютное зло. Если ты ее не уничтожишь, найдутся и другие глупцы вроде меня, которые пожелают исполнять ее ужасную волю.

Варамис покачал головой.

- Я не могу сжечь ваше родовое поместье, Колчев. Вы не хотите, чтобы я вам лгал, потому не стану. Мне не удастся сделать то, о чем вы просите.

Колчев взвыл и забился, издавая звериные стелания.

- Подождите! - закричал Варамис. Его время почти истекло, и он не мог оставить друга в таком состоянии. Он сомневался, что они когда-либо увидятся вновь. - Подождите! - повторил он. - Послушайте!

Колчеву потребовалось много времени, чтобы успокоиться, но в конце концов он смог опустить взгляд на Варамиса.

- Я не могу сделать то, о чем вы просите, но дам вам обещание, - сказал Варамис. - Я отправлюсь в имение Февос и отыщу подвал, который вы описывали. И если дульцимер там, я его уничтожу.

Колчев дрожал и трясся почти так же сильно, как когда по его жилам проходил электрический ток, но все же сумел ответить.

- Клянешься?

- Клянусь. Если мысль об этом инструменте причиняет вам такие страдания, я его уничтожу. Из какого бы сплава он ни был сделан, найдется достаточно жаркая печь, где он расплавится.

Колчев продолжал подергиваться, испуганно глядя на Варамиса, а затем со вздохом обмяк в своих путах. Он закрыл глаза и позволил своей голове запрокинуться назад.

- Клянешься?

- Клянусь.

Имение Февос, пять миль к югу от города Зерадр, Святая Терра

Варамис присел, когда у него над головой с ревом пролетел грузовой транспортник, до такой степени размытый смогом, что выглядел рассекающим сумрак призраком. Он ощущал себя преступником, хотя и не мог в точности сказать, почему. К имению Февос он подошел с задней стороны, оставив свою машину на расстоянии полумили и спустившись вниз по оползню доисторических руин, нависавших над особняком Колчева. Как и большинство великих имений Терры, Февос был со всех сторон окружен скопившимся за сотни лет камнями и обломками. Громадные сооружения были до такой степени изъедены временем и войнами, что напоминали скорее не постройки, а геологические образования.

Варамису пришлось поспешно пройти через несколько городков из лачуг, а затем он достиг наружных стен Февоса. Пробравшись во двор, он направился к одному из входов для слуг. Он никогда прежде не

приближался к дому с этой стороны, и ему стало еще тревожнее. Хотелось развернуться и вернуться в город, забыв о данном Колчеву обещании, но он знал, что не может так поступить. Все хорошее в его жизни проистекало из терпеливых наставлений старика. Музыкальная карьера Варамиса никогда бы не началась, не разгляди Колчев в нем искру таланта. Он должен был оказать старику эту последнюю услугу.

Дверь была заперта, но Колчев сказал Варамису все коды доступа, так что тот быстро простучал по рунической панели и шмыгнул внутрь, пока его не заметили.

В доме отсутствовала энергия, и люмосферы на стенах оставались темными. Варамис отдернул часть штор, впустив блеклый свет в столовую для слуг. Повсюду лежал густой слой пыли, а при его приближении разбегались крысы. Он торопливо двинулся по длинному коридору к тем частям дома, которые помнил по рассказам Колчева. В задней части кухни он отыскал лестницу и поднял люк. Навстречу устремился запах обугленной древесины.

Варамис замешкался, глядя на потертые ступени и представляя во мраке лица: Деметриас и Цельтер, залитые кровью, а Колчев играет музыку над их трупами.

Он достал фонарь и включил его, осветив лестницу.

Страх достиг такой силы, что он задумался, не придется ли отступить. Однако данное обещание наполнило его решимостью, и он двинулся вниз по ступенькам.

Когда он добрался до низу, из тени к нему что-то понеслось.

Варамис завопил, наставляя на силуэт свой фонарь.

Это была бумага – просто несколько листов, покрытых нотными записями. Их потревожил сквозняк, который Варамис создал, открыв люк.

Обругав себя, он двинулся дальше, пробираясь по подвалам, пока не дошел до потайной двери, которую описывал Колчев. Происшествие с бумагой продемонстрировало ему, как глупо он себя вел. Что тут могло ему навредить? Он распахнул дверь, и запах гари усилился. В воздухе до сих пор висел дым, и Варамис несколько раз кашлянул, когда едкая вонь забила в горло.

Ему не потребовалось много времени, чтобы обнаружить два тела. Какая-то его часть надеялась, что Колчев настолько глубоко погрузился в иллюзии, что выдумал смерти, однако по остаткам сгоревшей одежды он узнал Цельтера и предположил, что второе тело – это Деметриас. Ему случалось видеть мертвецов, но это никогда прежде не были его друзья. Долгое время он глядел на почерневшие фигуры, слишком убитый горем, чтобы что-либо делать дальше. Раньше идея помочь Колчеву одним последним добрым делом казалась проблеском света, однако теперь, увидев тела, он ощущал себя участником какого-то гнусного сговора. Предстояло связаться с семьями этих людей и позаботиться о том, чтобы те хотя бы узнали, что случилось в этом ужасном месте.

В луче фонаря, которым он обводил тела, блеснул серебряный корпус. Как и в случае с телами, Варамис отчасти надеялся не найти дульцимер, но тот был здесь – покоился на горе пепла, радостно сверкая в темноте. Ему пришло в голову, что как только о смертях станет известно, инструмент скорее всего заберут как улику. Он лишится шанса исполнить обещание и уничтожить его. Если только не начнет с этого.

- Я вернусь за вами, - прошептал он, обращаясь к трупам, и занервничал от звука собственного голоса. -

Как только расплавлю эту вещь. Обещаю вам.

Он прошел мимо тел и взял дульцимер, поразившись его тяжести. Затем двинулся обратно через подвалы и поднялся по лестнице.

Когда он снова оказался на кухне, при большем количестве света стало ясно, что как минимум в одном Колчев был прав. Эта вещь *действительно* была прекрасна.

Варамис поставил инструмент на стол и провел пальцами по гравировке. Пальцы задели струны, и раздался аккорд, эхом разнесшийся по дому.

Звук был ярким и чистым. Варамис снова ударил по струнам, взяв другой аккорд, и ему восхитительно быстро пришла на ум вся последовательность, которой можно было бы продолжить первые два созвучия. Он никогда в своей жизни не сочинял музыку, но играя на дульцимере, осознал, что набрел на нечто чудесное и уникальное.

Он уселся на стул и начал играть всерьез. У него в голове складывалась целая симфония.

Минуты растянулись в часы, а Варамис все сидел, склонившись над дульцимером с застывшим от сосредоточенности лицом.

Прошло еще много времени, и он начал улыбаться.

Примечание переводчика:

Английское название рассказа позволяет две трактовки: "Тренодия по Колчеву" и "Тренодия для Колчева". Первый вариант буквально указывает на трагичную судьбу главного героя, но второй представляется мне более уместным, поскольку предполагает дальнейшее развитие событий с повторением цикла - для Варамиса именно Колчев является тем ранее недостижимым эталоном, каким для Колчева оказался Цельтер.

1. В оригинале Xeradrus - архаичное название реки Сатледж. Судя по этому, лечебница расположена в районе границ Китая, Индии и Пакистана
2. Тренодия - печальное музыкальное произведение, песнь-плач. Термин введен композитором Ф. Листом.
3. Дульцимер — струнный инструмент, родственник цитре. Чаще всего имеет 3-4 струны, гриф поделен на лады. Известен примерно с 1900 года.
4. Пастіш (фр. *pastiche*: от итал. *pasticcio* — пастиччо, стилизованная опера-попурри, букв. «смесь, паштет») — вторичное художественное произведение (литературное, музыкальное, театральное и проч.), являющее собой имитацию стиля работ одного или нескольких авторов.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тренодия_для_Колчева_/_A_Threnody_for_Kolchev_\(рассказ\)&oldid=12388](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тренодия_для_Колчева_/_A_Threnody_for_Kolchev_(рассказ)&oldid=12388)

Эта страница в последний раз была отредактирована 14 апреля 2020 в 21:40.